Р.Л.СТАЙН
УЖАСТИКИ
САМОЕ ЖУТКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ
«РОСМЭН»

Роберт Лоуренс Стайн

Самое жуткое приключение

Серия «Ужастики»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154597
Росмэн-Издат; М.; 1999
ISBN 5-8451-0087-9
Оригинал: RobertStine, “My hairiest adventure”

Аннотация

С ним случилось самое страшное…

Ларри Бойд нашел в мусорном баке классную штуку – старый флакон с надписью «Мгновенный загар». На этикетке значилось:

«Втирая это средство в кожу, вы приобретете бронзовый загар за считанные минуты!» Так и сделали Ларри и его друзья, но загар у них не появился. Ничего не вышло.

По крайней мере, так думал Ларри, пока не заметил волоски.

Темные, колючие волоски, покрывавшие ладони и лицо.

Точнее, не волоски, а блестящую черную шерсть. После каждого бритья шерсть вырастала еще быстрее…

Содержание

1 4
2 6
3 9
4 11
5 12
6 13
7 16
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Роберт Лоуренс Стайн
Самое жуткое приключение

1

Почему в нашем городе так много бродячих собак?

И почему собаки всегда бросаются именно на меня?

Как будто они сидят в засаде и наблюдают за проходящими мимо людьми. И перешептываются: «Видишь вон того белобрысого парня? Это Ларри Бойд. Давай напугаем его!»

Я мчался со всех ног. Но с гитарой в громоздком футляре бегать трудно. Футляр бился о мою ногу.

Поскользнувшись, я упал в снег.

Собаки приближались. Они выли и лаяли, – наверное, чтобы напугать меня до смерти.

Они не просчитались – я и вправду испугался. Так, что сердце ушло в пятки!

Наверное, собаки сразу отличают тех, кто их боится. Но вообще-то я собак не боюсь, я даже люблю их.

Мне становится страшно только тогда, когда за мной гонится целая стая псов, жадно щелкающих зубами и готовых разодрать меня в клочья. Как сейчас.

Барахтаясь в снегу, я с трудом поднялся на четвереньки и оглянулся. Собаки настигали меня.

«Так нечестно, – с горечью подумал я. – У них четыре ноги, а у меня всего две!»

Как всегда, вожаком стаи был огромный черный пес со злобными глазами. Он вечно скалил зубы и рычал. Сейчас он был так близко, что я видел его острые клыки.

– Кыш! Фу! Идите домой!

Что за чепуху я несу? Разве у них есть дом?

– Идите домой, слышите?

Подошвы ботинок скользили по снегу, тяжелый футляр с гитарой тянул меня вниз. Я оступился, с трудом сохранил равновесие и побежал дальше.

Сердце колотилось, как сумасшедшее. Мне казалось, что я весь горю, хотя день выдался холодный.

Прищурившись, я взглянул на слепящий диск солнца. Я пытался прибавить шагу, но ноги не слушались.

Все пропало, с ужасом понял я.

Тяжелый футляр снова ударил меня по ноге.

Я оглянулся. Собаки возбужденно махали хвостами и громко лаяли, стараясь догнать меня.

Стая быстро приближалась.

– Идите домой! Фу! Говорю вам, кыш! Почему они выбрали именно меня?

Я никому не сделал ничего плохого. Честное слово! Спросите кого угодно – любой скажет вам, что Ларри Бойд – самый примерный двенадцатилетний мальчик в городе.

Так почему же собаки всегда преследуют меня?

В прошлый раз я успел открыть дверцу припаркованной машины и спрятаться внутри. Но сегодня стая следовала за мной по пятам, а машины, стоящие вдоль тротуара, занесло снегом. К тому времени, как я открою дверцу, собаки наверняка растерзают меня!

До дома Лили было уже рукой подать. Вон он на углу улицы. Это был мой единственный шанс.

Если мне удастся добежать до дома Лили, я…

– Ой!

Не заметив под снегом камень, я споткнулся. Футляр вылетел у меня из рук и глухо стукнулся о землю.

Я упал ничком. Лицом в снег.

– Все пропало! – простонал я. – Они разорвут меня!

2

Снег залепил мне глаза.

Кое-как поднявшись, я смахнул снег с лица.

Собаки неистово лаяли.

– Прочь отсюда! А ну, убирайтесь! – послышался знакомый голос. – Противные собаки! Прочь!

Лай постепенно утихал. Я протер глаза ладонями и вскрикнул от радости:

– Лили! Как ты здесь очутилась?

Она швырнула в собак увесистым снежком.

– Убирайтесь прочь!

Собаки заскулили и опасливо попятились. Когда большой черный пес, опустив голову, медленно побрел прочь, остальные последовали за ним.

– Лили, они послушались тебя! – благодарно воскликнул я.

– Само собой, – усмехнулась она. – А не то я бы им показала. Ты же меня знаешь, Ларри.

На самом деле Лили Вонн вовсе не драчунья. Ей двенадцать лет, как и мне, но выглядит она моложе. Лили невысокая, худенькая и симпатичная. У нее короткие белокурые волосы и челка до самых бровей.

Самое странное во внешности Лили – это ее глаза: один голубой, а другой зеленый. Никто не верит, что у нее глаза разного цвета, пока не увидит их сам.

Я отряхнул куртку и джинсы. Лили протянула мне футляр с гитарой.

– Надеюсь, он не промок, – пробормотала она.

Я огляделся. Собаки вновь громко залаяли, заметив белку на дереве.

– Я увидела тебя в окно, – сказала Лили и потянула меня за рукав. – Почему они всегда гоняются за тобой?

Я пожал плечами.

– Сам не знаю, – ответил я.

Под ногами скрипел снег. Лили шла первой, а я – по ее следам.

Мимо проехала машина, колеса скользили на обледенелой мостовой. Мы повернули и направились по подъездной дорожке к дому Лили.

– Почему ты опоздал? – спросила она.

– Папа попросил меня помочь расчистить двор, – объяснил я.

Когда я упал, снег забился мне в капюшон, и теперь по шее и спине текли ледяные струйки. Я поежился. Мне не терпелось оказаться в теплом доме.

Ребята ждали нас в гостиной. Я помахал рукой Мэнни, Джереду и Кристине. Стоя на коленях, Мэнни возился с усилителем для гитар. Усилитель громко загудел, от неожиданности все вздрогнули.

Мэнни – рослый, тощий, глуповатый на вид парень с кривой улыбкой и шапкой черных растрепанных волос. Джереду двенадцать, как и всем нам, но на вид ему дашь лет восемь. Я еще ни разу не видел его без черной бейсболки с серебристой эмблемой спереди. Кристина немного полновата. У нее кудрявые рыжие волосы, на носу очки в голубой пластмассовой оправе.

Я стащил сырую куртку и повесил ее в прихожей. По телу разлилось приятное тепло. Одернув свитер, я присоединился к ребятам.

Мэнни поднял голову и вдруг рассмеялся.

– Смотрите, у Ларри волосы стоят дыбом! Скорее несите фотоаппарат!

Все расхохотались.

Ребята вечно смеются над моими волосами. Только я не нахожу тут ничего смешного: с волосами мне здорово повезло. Они темно-русые, волнистые и длинные, почти до самых плеч.

– Лохматый Ларри! – воскликнула Лили. Остальные подхватили нараспев:

– Лохматый Ларри! Лохматый Ларри!

Я сердито нахмурился и провел ладонями по волосам, приглаживая их и убирая со лба. Я чувствовал, что краснею.

Терпеть не могу, когда меня дразнят. Мне становится досадно, и краска приливает к лицу.

Наверное, поэтому мои друзья так любят поддразнивать меня. То их потешают мои волосы, то уши, то еще что-нибудь.

А я всякий раз злюсь. И краснею. А это только раззадоривает их.

– Лохматый Ларри! Лохматый Ларри! Друзья, называется!

Вообще-то друзья у меня отличные. Мы часто веселимся вместе. Мы, все пятеро, – рок-группа. На этой неделе мы придумали название – «Циркачи». А на прошлой неделе группа называлась «Сорвиголовы». Мы часто меняем название.

Лили носит на шее золотую монету на цепочке. Монету подарил ей дедушка, сказав, что это настоящее золото пиратов.

Поэтому Лили хотела назвать нашу группу «Золото пиратов». Но по-моему, это слишком банально. Мэнни, Джеред и Кристина согласились со мной.

По крайней мере, «Циркачи» – гораздо круче, чем название группы Хью «Крикуны». Хью с друзьями предложил нам устроить в школе конкурс рок-групп.

Хью Хервин сам выбрал для своей группы название, хотя он в ней всего-навсего ударник. А его сестра-зазнайка Марисса – певица.

– Почему бы тебе не назвать группу в честь сестры? – однажды спросил я Хью после уроков.

– Еще чего! Марисса ни с чем не рифмуется.

– Да? А с чем рифмуются «Крикуны»? – удивился я.

– Со «звездами первой величины!» – рассмеялся Хью и взлохматил мне волосы.

Болван!

Хью и его сестру никто не любит. Мы, «Циркачи», не можем дождаться дня, когда победим «Крикунов».

– Жаль, что у нас нет басиста, – уже в который раз заметил Джеред, когда мы настроились.

– Или саксофониста, или трубача, – добавила Кристина, доставая из открытого футляра медиатор.

– А по-моему, и так здорово, – заявил Мэнни, который по-прежнему возился на полу, подключая шнуры к усилителю. – Три гитары звучат классно – особенно когда мы проходим снизу вверх по всему грифу.

Кристина, Мэнни и я играем на гитарах, Лили поет. А Джеред бацает на клавишных. У него есть синтезатор ударных с десятью разными ритмами. Он заменяет нам барабаны.

Как только Мэнни подключил усилитель, мы заиграли песню группы «Роллинг Стоунз». Подобрать ритм ударных Джеред не смог, поэтому мы обошлись без них.

Едва мы закончили, я крикнул:

– А теперь еще раз! Все застонали.

– Ларри, все и так вышло здорово! – воскликнула Лили. – Зачем повторять одно и то же?

– Мы сбились с такта, – возразил я.

– Это ты сбился! – уточнил Мэнни и скорчил гримасу.

– Мэнни, разве ты забыл? Ларри во всем стремится к совершенству, – вмешалась Кристина.

– Как я мог забыть? – притворно возмутился Мэнни. – Ведь он не дает нам доиграть до конца ни одной песни!

Я вновь почувствовал, что краснею.

– Я просто хочу, чтобы все было как надо, – буркнул я.

Что плохого в стремлении к совершенству?

– Конкурс через две недели, – напомнил я. – Вы хотите опозориться на сцене?

Не выношу, когда меня выставляют на посмешище. Это я ненавижу больше всего на свете – даже больше, чем отварную брокколи!

Мы заиграли вновь. Джеред нажал на синтезаторе кнопку саксофона, и получилось, будто нам подыгрывает саксофон. Мэнни вел первое соло, я – второе.

Правда, в одном аккорде я сбился и хотел было предложить ребятам начать заново. Но я знал: стоит мне прекратить игру, меня съедят живьем. Пришлось продолжать.

На высокой ноте у Лили сорвался голос. Но вообще-то она поет неплохо.

Мы играли без перерыва почти два часа, пока песня не зазвучала по-настоящему здорово. А когда Джеред подобрал ритм ударных, все завизжали от восторга.

Наконец мы убрали инструменты в футляры, и Лили предложила выйти на улицу. Солнце стояло еще высоко в сияющем голубом небе. Толстое снежное одеяло искрилось.

Мы поиграли в догонялки вокруг заснеженных вечнозеленых кустарников во дворе Лили. Мэнни слепил огромный снежок и сбил с головы Джереда бейсболку. Вспыхнул бой снежками и продолжался до тех пор, пока мы не запыхались и не изнемогли от хохота.

– Давайте слепим снеговика! – предложила Лили.

– Похожего на Ларри, – добавила Кристина. У нее совсем запотели очки.

– Разве бывают белобрысые снеговики? – возразила Лили.

– Хватит дразниться! – возмутился я.

Мы начали скатывать огромные снежные шары. Джеред толкнул Мэнни на снеговой ком и попытался закатать в него. Но Мэнни был слишком тяжелым, и ком развалился.

Пока вся компания трудилась над снеговиком, я огляделся. Мое внимание привлек соседний дом, где возле огромного мусорного бака виднелась куча старых вещей.

Похоже, в этом доме недавно закончился ремонт. А хлам вынесли, чтобы увезти на свалку.

Я бросился к мусорному баку и начал рыться в куче барахла. Мне нравятся старые вещи. Я люблю копаться в никому не нужном хламе.

Отодвинув в сторону битый кафель и скомканную занавеску для ванной, я обнаружил под ветхим ковриком белую эмалевую аптечку.

– Ого! Вот это находка! – воскликнул я. Вытащив аптечку из бака, я открыл ее.

К моему удивлению, внутри оказались разные пузырьки и пластмассовые тюбики.

Я начал перебирать их, и вдруг мое внимание привлек оранжевый флакон.

– Ребята! – крикнул я друзьям. – Смотрите, что я нашел!

3

Я принес оранжевый флакон во двор Лили.

– Смотрите, что у меня есть! – крикнул я, размахивая находкой.

Но никто не обернулся. Мэнни и Джеред пытались поставить один огромный снежный ком на другой, чтобы получилось туловище снеговика. Лили подбадривала их криками. Кристина протирала перчаткой запотевшие очки.

– Ларри, что это? – наконец спросила Кристина, надев очки.

Ребята обернулись и увидели флакон у меня в руке.

Я прочел надпись на этикетке:

– «Мгновенный загар. Втирая это средство в кожу, вы приобретете бронзовый загар за считанные минуты!»

– Класс! – восхитился Мэнни. – Давайте попробуем!

– Где ты его нашел? – спросила Лили, щеки которой раскраснелись от холода. На челке блестели крупные снежинки.

Я указал на соседский мусорный бак.

– Этот флакон выбросили твои соседи. Он полный.

– Давайте попробуем! – повторил Мэнни, криво усмехаясь.

– Да, и в понедельник придем в школу загорелыми! – подхватила Кристина. – Представляете, какое лицо будет у мисс Шиндлинг? Скажем ей, что ездили все вместе во Флориду!

– Нет, лучше на Багамы! – возразила Лили. – Скажем Хью Хервину, что давали концерты на Багамских островах!

Все расхохотались.

– Как думаешь, средство подействует? – спросил Джеред, поправляя бейсболку и разглядывая флакон.

– Само собой! – отозвалась Лили. – Иначе его не пустили бы в продажу. – Она выхватила у меня флакон. – Он почти полный. Здесь хватит на всех. Давайте попробуем! Вот будет здорово!

Мы двинулись к дому вслед за Лили. Под ногами скрипел снег, изо рта вылетал белый пар.

Я снял куртку и повесил ее на вешалку. По дороге в гостиную меня вдруг стали одолевать тревожные мысли. А если средство не подействует? Что, если мы станем не загорелыми, а ярко-желтыми или зелеными?

Ни за что не пойду в школу с зеленой кожей! Просто не смогу. Придется прятаться в шкафу, пока краска не смоется.

Но, похоже, моим друзьям такое и в голову не приходило.

Мы втиснулись в ванную комнату. Флакон «Мгновенного загара» по-прежнему держала в руках Лили. Она отвинтила крышку и плеснула жидкость из флакона себе на ладонь. Жидкость оказалась сливочно-белой.

– Приятный запах, – заметила Лили, поднеся ладонь к лицу. – Такой сладкий!

И она начала мазать жидкостью сначала шею, затем щеки и лицо. Наклонив флакон, она налила на ладонь еще немного жидкости и намазала ею руки.

Следующим флакон взял Мэнни. Он смело налил себе пригоршню лосьона и умылся им.

– Какая-то прохладная и маслянистая жидкость, – заметила Кристина, когда ей передали флакон.

Следующим был Джеред. Он почти полностью опустошил флакон и старательно втер средство для загара в кожу лица и шеи.

Наконец пришла моя очередь. Я наклонил флакон над ладонью.

Но что-то остановило меня. Я колебался. Друзья внимательно наблюдали за мной, ожидая, что я тоже натру лицо и руки неизвестной жидкостью.

Вместо этого я повернул флакон и прочел мелкую надпись на этикетке.

И громко ахнул.

4

– В чем дело, Ларри? – удивилась Лили. – Просто плесни немного жидкости на ладонь и втирай в кожу…

– Но… – Я осекся.

– Я уже потемнела? – спросила Кристина у Лили. – Средство подействовало?

– Пока нет, – ответила Лили и обернулась ко мне. – Что случилось, Ларри?

– Смотри, что написано на этикетке, – дрожащим голосом произнес я. – «Годен до февраля 1991 года».

Все засмеялись. Смех эхом отразился от кафельных стен маленькой ванной.

– Ничего с тобой не сделается, – заявила Лили. – Подумаешь, срок годности истек. Это еще не значит, что теперь у нас облезет кожа!

– Не бойся, – подбодрил меня Мэнни, хватая флакон и переворачивая его вверх дном над моей ладонью. – Подожди, пока не выльется жидкость. Мы все уже натерлись, Ларри. Теперь твоя очередь.

– Кажется, загар уже начал проступать, – сообщила Кристина, которая вместе с Джередом разглядывала себя в зеркале над раковиной.

– Действуй, Ларри, – поторопила меня Лили. – Дата на этикетке ничего не значит, – Она подтолкнула меня. – Что с тобой может случиться?

Все выжидательно уставились на меня. Мои щеки стали горячими, я понял, что опять краснею.

Не хватало еще, чтобы меня считали трусом! И без того надо мной вечно потешаются. Набравшись смелости, я вылил последние капли жидкости на ладонь.

Я старательно размазал средство по лицу, шее и рукам. Оно и вправду оказалось маслянистым и прохладным и пахло приятно, как папин лосьон после бритья.

Друзья радостно загомонили.

– Так держать, Ларри! – Джеред хлопнул меня по спине так сильно, что я чуть не выронил пустой флакон.

Толкаясь и хихикая, мы пялились в зеркало над раковиной. Мэнни так отпихнул Джереда, что тот отлетел к душевой кабинке.

– Когда же оно подействует? – нетерпеливо спросила Кристина. Яркая лампа отражалась в стеклах ее очков.

– А по-моему, оно вообще не подействует, – разочарованно вздохнула Лили.

Я снова принялся изучать этикетку.

– Здесь говорится, что бронзовый загар появляется почти мгновенно, – сообщил я и покачал головой. – Так я и знал: эта штука слишком старая. Напрасно мы…

Меня прервал пронзительный вопль Мэнни. Обернувшись, мы увидели, что его лицо искажено ужасом.

– Мое лицо! – выкрикнул Мэнни. – Оно облезло!

Он протянул к нам дрожащие руки. И я увидел, что он держит на ладони лоскут собственной кожи!

5

У меня вырвался слабый крик.

Остальные в ужасе смотрели на руки Мэнни.

– Моя кожа! – стонал он. – Что с ней?

Внезапно его губы растянулись в усмешке.

Присмотревшись, я увидел, что у Мэнни в руках вовсе не кожа, а влажная скомканная бумажная салфетка!

Запрокинув голову, Мэнни расхохотался и швырнул ее на пол.

– Балбес! – сердито выпалила Лили.

Мы закричали, обступили Мэнни и затолкали его в душевую кабинку, а Лили стала вертеть кран, чтобы включить воду.

– Не надо! – взмолился Мэнни, стараясь вырваться. – Я просто пошутил!

Лили сжалилась над ним и закрутила кран. В последний раз взглянув на себя в зеркало, мы вышли из ванной.

Наша внешность ничуть не изменилась. Загар так и не проступил. Средство не подействовало.

Схватив куртки, мы побежали во двор доделывать снеговика. Я прихватил с собой пустой флакон «Мгновенного загара» и зашвырнул его в снег. Лили и Кристина скатали голову снеговика и водрузили ее на туловище.

Я нашел два темных камушка для глаз, Мэнни нахлобучил на голову снеговику бейсболку Джереда. Получилось отлично, но Джеред вскоре забрал бейсболку.

– Он больше похож на тебя, Мэнни, – заявил Джеред. – Только гораздо умнее.

И все захохотали.

От сильного порыва ветра, налетевшего откуда-то из-за дома, голова снеговика свалилась, покатилась по снегу и рассыпалась.

– Вот теперь он точно похож на тебя! – выкрикнул Джеред, обращаясь к Мэнни.

– А ну, бери свои слова обратно! – потребовал Мэнни, подхватывая большой комок снега и швыряя его в Джереда.

Джеред попытался увернуться, но не успел. Стремительно наклонившись, он тоже слепил снежок и запустил его в Мэнни.

Вскоре уже вся компания включилась в игру, снежки летели в разные стороны. В конце концов нам с Лили пришлось отбиваться от Мэнни, Джереда и Кристины.

Сдаваться мы не собирались. Лили лепит снежки так быстро, как никто другой. Она успевает скатать комок и метнуть его в противника, пока я нагибаюсь за новой горстью снега.

Игра быстро переросла в яростную схватку. Мы перестали даже лепить снежки – просто бросали друг в друга комьями снега. А потом побежали в соседний двор, где снег был свежим. Там бой вспыхнул с новой силой.

Отлично порезвились! Мы смеялись, крича ли и обливались потом, несмотря на порывы холодного ветра.

Внезапно меня затошнило.

Я упал на колени и сглотнул слюну. Снег вдруг заискрился слишком ярко, слепя глаза. Земля покачнулась и словно поплыла.

Мне становилось все хуже.

С чего бы это?

6

Доктор Меркин поднял длинную иглу. Она поблескивала. Крошечная зеленая капелька скатилась с острия.

– Сделай вдох и задержи дыхание, Ларри, – негромко посоветовал врач. – Это совсем не больно.

Он каждый раз повторяет одни и те же слова.

Я знал, что он обманывает меня: укол будет очень болезненным. Мне делают такие уколы раз в две недели.

Врач мягко взял меня за предплечье свободной рукой и придвинулся вплотную, так что я ощутил запах мятного эликсира у него изо рта.

Глубоко вздохнув, я отвернулся. Не могу видеть, как игла вонзается в кожу.

От укола я вздрогнул.

Доктор Меркин крепче сжал мою руку.

– Совсем не больно, правда? – спросил он, понизив голос.

– Да уж… – простонал я и оглянулся на маму.

Она кусала нижнюю губу, на лице застыла тревога. Казалось, укол делают не мне, а ей!

Наконец доктор Меркин вынул иглу и протер место укола ватным тампоном, смоченным прохладным спиртом.

– Теперь все будет в порядке, – пообещал он, похлопав меня по спине. – Можешь надеть рубашку.

Он обернулся и ободряюще улыбнулся маме.

Доктор Меркин похож на настоящего аристократа. По-моему, ему лет пятьдесят. Свои седые волосы он тщательно зачесывает назад. За стеклами квадратных очков-хамелеонов дружелюбно поблескивают синие глаза, на губах вечно играет улыбка.

Хотя он обманывает меня, уверяя, что укол – это совсем не больно, мне кажется, что он хороший врач. Он мне нравится. После осмотров мне всегда становится легче.

– Все та же проблема с потовыми железами, – негромко объяснил он маме, делая какие-то записи в моей карточке. – Он перегрелся. Ты же знаешь, Ларри, это тебе вредно.

Я согласно кивнул.

Мне давно известно, что с потовыми железами у меня не все в порядке. Они работают не так, как полагается. Я никогда не потею, а когда перегреваюсь, мне становится дурно.

Вот почему мне приходится ходить к доктору Меркину каждые две недели. От уколов мне становится лучше.

Бросаться снежками было здорово. Но я так увлекся, что не заметил, как перегрелся, несмотря на снег и холодный ветер.

Потому-то меня и затошнило.

– Теперь тебе лучше? – спросила мама по дороге домой.

Я кивнул.

– Да, теперь все в порядке, – заверил я, остановился и повернулся к ней. – Мам, тебе не кажется, что я… изменился?

Мама встревоженно оглядела меня.

– Изменился? О чем ты говоришь?

– Может, у меня появился загар или что-нибудь вроде того? – с надеждой спросил я.

Мама пристально вгляделась мне в лицо.

– Ларри, я так волнуюсь за тебя! – призналась она. – Попробуй вздремнуть, когда мы вернемся домой, ладно?

Значит, никакого загара она не заметила.

Я так и знал, что «Мгновенный загар» не подействует. Средство было слишком старым. А может, мгновенного загара вообще не бывает.

– Зимой трудно загореть, – сказала мама, когда мы шли к машине по заснеженной стоянке.

Еще бы, мысленно согласился я, закатывая глаза.

После ужина мне позвонила Лили.

– Мне тоже нездоровится, – призналась она. – А как дела у тебя?

– Прекрасно, – отозвался я. Держа радиотелефон в одной руке, я продолжал переключать телевизионные каналы с помощью пульта дистанционного управления.

Дурацкая привычка. Иногда я часами переключаю каналы и толком ничего не успеваю посмотреть.

– Когда ты ушел, заявились Хью и Марисса, – сообщила Лили.

– И вы прогнали их? – встрепенулся я. – Закидали снежками?

Лили засмеялась.

– Нет. К тому времени мы насквозь промокли и выбились из сил. Мы просто болтали с ними, пока не замерзли.

– Хью что-нибудь говорил о своей группе? – спросил я.

– Сказал, что купил сборник песен Эрика Клэптона, – известила меня Лили. – И разучил на гитаре несколько новых композиций, которые сразят нас наповал.

– Напрасно Хью взялся за гитару, лучше бы сидел на ударных. На гитаре он играет так, что слушать тошно, – отозвался я. – Вечно у него визжат струны! Ума не приложу, как это у него получается. Скажи, ты, случайно, не знаешь, как заставить гитару визжать?

Лили засмеялась.

– Марисса тоже визжит, а думает, что поет! Мы оба расхохотались, но смех вскоре оборвался.

– Скажи честно, у «Крикунов» что-нибудь получится?

– Не знаю, – задумчиво ответила Лили. – Хью так любит хвастаться, что ему нельзя верить. Он говорит, что их группа давно могла бы записать компакт-диск. А еще – что его отец будто бы хотел записать кассету и послать ее в крупную компанию звукозаписи.

– Да что ты говоришь! – саркастически воскликнул я. – Надо будет как-нибудь подкрасться к дому Хью, когда его группа репетируем _ предложил я. – Мы послушаем и сами решим, чего они стоят.

– А Марисса и вправду неплохо поет, – вздохнула Лили. – У нее красивый голос.

– Подумаешь! У тебя еще лучше.

– Да, пожалуй, мы все-таки играем лучше «Крикунов», – решила Лили и добавила: – Жаль только, что у нас нет настоящего ударника.

Я согласился.

– Синтезатор Джереда иногда выдает такие коленца!

Мы с Лили еще немного поговорили о предстоящем конкурсе рок-групп. Затем я пожелал ей спокойной ночи, выключил телефон и уселся за стол, чтобы сделать домашние задания.

Я закончил работу к десяти часам вечера. Позевывая, спустился вниз и сообщил родителям, что ложусь спать. У себя в комнате я переоделся в пижаму и направился в ванную, чтобы почистить зубы.

В ванной, при ярком свете, я внимательно оглядел свое отражение в зеркале над раковиной. Никаких признаков загара. Мое лицо казалось таким же бледным, как прежде.

Я взял щетку, выдавил на нее из тюбика немного голубой пасты, поднес щетку ко рту и остолбенел.

Присмотревшись, я невольно вскрикнул и уронил щетку в раковину.

Сначала мне показалось, что на руку падает тень. Но когда я поднес ее к лицу, выяснилось, что это вовсе не тень.

Я громко ахнул, во все глаза уставившись на тыльную сторону своей ладони.

Она была покрыта густой черной шерстью.

7

Я изо всех сил затряс рукой, словно надеялся стряхнуть черную поросль.

Затем я попытался выдернуть один волосок и ойкнул. Шерсть и вправду росла у меня на руке.

– Не может быть! – воскликнул я и поднес дрожащую руку поближе к свету, чтобы как следует рассмотреть ее.

Длина волосков уже достигала одного сантиметра. Волоски были темными, блестящими, жесткими и очень колючими. Когда я провел по ним ладонью, мне показалось, будто я глажу жесткую щетку.

«Лохматый Ларри»…

В голове у меня вдруг всплыло это глупое прозвище, которое придумала Лили.

«Лохматый Ларри».

Взглянув в зеркало, я увидел, что у меня покраснели щеки. Меня будут дразнить лохматым Ларри до конца жизни, если увидят эту черную щетину на руке!

Ее никто не увидит, решил я, чувствуя, как сердце сжимается от горя. Какой позор!

Я осмотрел левую руку, но кожа на ней была гладкой и чистой, как прежде.

– Слава Богу! – вырвалось у меня.

В отчаянии я принялся дергать жесткую щетину, пока не заболела рука. Но мне не удалось выдернуть ни единого волоска.

Внезапно у меня пересохло во рту. Я схватился за край раковины обеими руками, чтобы сдержать дрожь.

– Что же мне делать? – пробормотал я. – Неужели придется до самой смерти носить перчатку? Если друзья увидят мою руку, они меня совсем задразнят. Все будут звать меня лохматым Ларри!

У меня вырвался всхлип.

Успокойся, уговаривал я себя, и подумай, как быть дальше.

Я вцепился в раковину так, что у меня свело пальцы. Осторожно разжав их, я закатал оба рукава пижамы.

А если черные волосы растут по всей руке, до самого плеча?

Нет.

У меня вырвался протяжный вздох облегчения.

Похоже, густая поросль появилась только на тыльной стороне правой руки.

Но что же мне делать? Что делать?

Я услышал, как родители поднимаются по лестнице к себе в спальню, и поспешно заперся в ванной.

– Ларри, ты еще здесь?! А я думала, ты давно в постели! – крикнула из коридора мама.

– Я причесываюсь! – ответил я. Обычно я расчесываю волосы каждый вечер перед сном.

Конечно, это бесполезная трата времени – я давно понял, что стоит мне коснуться подушки, как волосы сбиваются в ком.

Но привычка – вторая натура.

Я перевел взгляд на свои волосы – темно-русые, мягкие и волнистые.

Совсем не похожи на отвратительную колючую шерсть на руке.

Меня затошнило. Содержимое желудка подкатило к горлу.

С трудом подавив тошноту, я открыл дверцу аптечки и принялся торопливо перебирать тюбики и пузырьки.

Я искал на этикетках надпись «Средство для удаления волос».

Такое наверняка существует.

Но в нашей аптечке ничего подобного не нашлось. Я прочел надписи на каждом флаконе, каждом пузырьке. Средства для удаления волос нигде не оказалось.

Я вновь уставился на густую шерсть. Неужели волоски немного выросли? Или мне просто показалось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.